

Глава 1

— Лахлан, ты жив, дружище?

Сомнительно. Больше того — в этот момент даже нежелательно, хотя боль от раны скорее надоедала, чем мучила. Лахлан Макгрегор лежал на земле; кровь впитывалась в дерн. Он понимал, что смертельную рану получила его гордость: противно, когда лэрда клана Макгрегоров вынуждают присоединиться к обыкновенным грабителям. Но то, что он имел глупость получить ранение, вообще ни в какие ворота не лезет.

— Лахлан? — снова настойчиво окликнул один из членов его клана.

— Да вроде не помер, так что не вздумай тащить мое тело домой, Ранальд. Пусть гниет тут, как оно того и заслуживает.

По другую сторону от него кто-то негромко рассмеялся.

— Ну вот, зря тревожился, Ранальд, — сказал Джиллеонан Макгрегор. — Разве можно серьезно повредить эту огромную тушу одним крошечным кусочком свинца из пистолета какого-то англичанишки?

Лахлан хмыкнул. Ранальд, убедившись, что лэрд жив, вздохнул.

— Да я не боялся, — проговорил он одновременно хвастливо и с облегчением. — Только как мы взгро-

моздим его на лошадь? Если он сам не встанет, ему и правда придется здесь гнить: ведь его даже вдвоем не поднять!

— Ну, тут волноваться нечего. Я припоминаю, как мы однажды развели огонь у его ног — он был тогда еще совсем молодым. Удивительно, до чего проворен бывает даже такой громила, как старший Макгрегор, если...

Лахлан тихо зарычал: он хорошо помнил это происшествие. Джиллеонан снова рассмеялся, а Ранальд прищелкнул языком и серьезно заметил:

— Не стал бы я этого делать, кузен. Огонь укажет англичанам, где мы находимся, если они, дураки, еще нас ищут.

— Верно. Никакого огня и не понадобилось бы, если бы лэрд дождался нашего возвращения домой, а потом уже падал со своей коняги. Но ждать он не стал и вот теперь лежит тут. Можешь что-нибудь предложить?

— Могу, — запальчиво ответил Лахлан. — Я переломаю вам обоим шеи, и тогда будем гнить здесь троим.

Оба его родича знали, что огромный рост Лахлана — шесть футов семь дюймов* — болезненная для него тема. Они подначивали его, чтобы он разозлился, но не настолько, чтобы их прикончить, и встал самостоятельно.

Пока было непонятно, насколько он разозлился, поэтому Ранальд сказал:

— Если ты не возражаешь, Лахлан, мне не хотелось бы гнить так близко от границы с Англией. Вот

* Два метра.

наверху, в горах, я бы согласился, но здесь, в низине... Нет, мне это не по нутру.

— Тогда заткнитесь и дайте немного прийти в себя. Может, я сам смогу сесть на лошадь.

Предложение было встречено полным молчанием. Надо полагать, они разрешили ему отдохнуть, но беда в том, что он не был уверен, остались ли у него силы, отдыхай — не отдыхай. С каждой минутой он слабел, силы покидали его. Чертова рана. Если бы он не почувствовал, как пуля вошла в него, он бы не мог с уверенностью сказать, что ранен в грудь. Тело онемело еще до того, как он рухнул с лошади.

— Спорим, он снова размечтался, потому его и подстрелили, — опять стал подначивать Джиллеонан, когда через несколько минут Лахлан так и не сдвинулся с места. — Он уже больше года сохнет по рыжей красотке, которую украл у него англичанишка.

Лахлан прекрасно понимал: его родич пытается снова пробудить в нем гнев, чтобы он наконец встал. И, черт подери, ему это удалось, потому что слова Джиллеонана были чистой правдой.

Когда в него стреляли, он был погружен в мысли о красавице Меган с огненно-рыжими волосами и огромными темно-синими глазами — более красивой девушки он не встречал. Он думал о ней всякий раз, когда они выходили на грабежи к границе Англии, потому что именно тут он ее встретил — и потерял. Конечно, и в другое время он вспоминал ее, но это было его дело, и другим соваться нечего, какую бы цель они ни преследовали.

— Это я украл ее у англичанина, — промямлил Лахлан, — а он только забрал ее обратно. Совсем не одно и то же.

— Забрал обратно и хорошенько тебя поколо...

Напоминание заслуживало хорошей оплеухи, и удар Лахлана, несмотря на то что он очень ослабел, повалил Джиллеонана, стоявшего на четвереньках. Тот упал, изумленно крикнув, хотя именно такой реакции от своего лэрда и добивался.

Сидевший по другую сторону Ранальд рассмеялся:

— Прекрасно, Лахлан! А теперь, если ты так же резво взгромоздишься на свою лошадку, мы доставим тебя домой, чтобы Несса занялась твоей раной.

Лахлан застонал. Джиллеонан набросился на Ранальда:

— Ты что, парень, не в себе? Я бы кинулся в другую сторону, только бы избежать забот Нессы. Сначала всего тебя слезами вымочит, потом ругани не оберешься. Ох, ну до чего же противно!

Ранальд приподнял бровь:

— Ты думаешь, она будет тиранить лэрда?

— Конечно, будет, — пробормотал Лахлан, а про себя добавил: «И поделом мне за мою глупость». С этой мыслью он перекатился со спины на живот и встал на четвереньки. В глазах поплыло... Безлунная ночь — что может быть лучше для разбойников! Но разбой и любовное томление явно плохие товарищи, надо бы впредь разделять их. Конечно, если он вообще переживет это фиаско. — Ведите меня к этому жалкому животному, — попросил он родичей.

Те попытались помочь ему встать. Но они больше мешали, чем помогали, и он с сердитым рыком оттолкнул обоих. Каким-то образом ему удалось сесть в седло, а его родичам — доставить его домой. Потом он не мог вспомнить долгий тяжелый путь

и остановки, во время которых они перевязывали ему рану, пока до нее не добралась Несса.

Но вскоре она все-таки добралась до нее — и до него, и прошли ужасные три недели, прежде чем она оставила его в покое. Несса почему-то вообразила, будто влюблена в Лахлана, и убедила себя в том, что они рано или поздно поженятся, хотя он никогда ей ничего не обещал. Похоже, ей было достаточно того, что он больше ни за кем не ухаживал. А когда ему было ухаживать? Он был еще так юн, а на него легла забота обо всем клане!

Несса жила в его доме, как и многие другие члены клана. Он знал ее чуть ли не всю жизнь: когда они были маленькими, то вместе играли, а когда он повзрослел и начал интересоваться девушками, она стала помехой, потому что в ней он по-прежнему видел лишь приятеля-сорванца. Она была на пять лет моложе его (ему уже исполнилось двадцать шесть) и дьявольски вспыльчива. Ей пришлось взять в руки все домашнее хозяйство, когда его отец умер, а мачеха сбежала со всеми ценностями Макгрегоров и тем самым обрекла его на жизнь разбойника.

Он сказал красавице Меган, что все его предки были разбойниками, но это было неправдой. Уже больше двухсот лет никто из его родни не выходил по ночам на большую дорогу, да и раньше они прибегали к этому, скорее чтобы досадить другим кланам, чем пополнить сундуки. Основой богатства Макгрегоров послужили дары королей, несколько выгодных сделок и выигрыш одного удачливого игрока, но нужно было немало средств, чтобы отремонтировать старинный замок, устраивать бесчисленные свадьбы и обеспечивать всех необходимыми для нормальной жизни вещами.

Небольшие урожаи целиком зависели от погодных условий, немногочисленные стада овец и крупного рогатого скота не могли прокормить немалую семью — так было всегда. А единственное предприятие, которое каждый год приносило им наличные деньги, лопнуло. И все же они могли бы неплохо жить, если б не леди Уиннифред.

Лахлан начинал злиться всякий раз, когда вспоминал, что сделала с кланом его мачеха. Она не воспитывала мальчика, хотя прожила в замке Крегора не один год, пока он был еще юнцом. Двенадцать лет она была замужем за его отцом. Лахлан не испытывал к ней антипатии, она просто была частью ландшафта; изредка улыбалась мальчику, но не больше: она не думала ни о ком, кроме себя и, конечно, его отца.

Никто никогда не принял бы ее за воровку — но она ею оказалась. Не прошло и недели со дня смерти его отца, как она вдруг исчезла, а с нею испарилось наследство Лахлана. Ее искали больше года, но не обнаружили никаких следов. Можно было предположить, что воровство и бегство были заранее спланированы, продуманы до последней детали. Но считать так значило бы очернять ее еще больше, хотя, казалось, больше некуда.

Теперь, три года спустя, замок Крегора разрушался, потому что Лахлану не удавалось добыть достаточно денег у тех немногих англичан, которых он грабил у границы. Но тем не менее он отказывался брать больше, потому что боялся по-настоящему разорить тех, у кого отнимал деньги, — пусть даже это были всего-навсего англичанишки. И вот свадьбы откладывались, а члены клана, всю жизнь прожив-

шие в замке или на землях Макгрегора, покидали Хайлендс*.

Он с молодых ногтей усвоил обязанности по отношению к клану, но никогда не думал, что внезапно разорится. В двадцать три года на него свалилась непосильная ноша. Сейчас, когда ему было двадцать шесть, положение стало еще хуже, а он не мог придумать ничего, что не претило бы ему еще больше, чем грабежи. Он уже залез в долги к немногим своим зажиточным родственникам. И все более или менее ценное, что нашлось в замке, давно уже продали.

Положение было незавидное. Вот почему, еще не успев оправиться от раны, Лахлан вызвал на совещание своих самых близких помощников и соучастников преступлений — Джиллеонана и Ранальда.

Джиллеонан, троюродный брат Лахлана, был на несколько лет старше его. Ранальд, еще более дальний родственник, был на год моложе. Они жили не в замке — у обоих поблизости были собственные дома, хотя чаще всего их можно было найти рядом с Лахланом. Вот и в тот обжигающе холодный ноябрьский вечер они обедали с ним.

Лахлан подождал окончания более чем скромной трапезы и объявил:

— Ничего не получается.

Друзья заранее были предупреждены, о чем пойдет разговор, — разъяснений не потребовалось.

— Все неплохо шло, пока ты не получил пулю, — возразил Ранальд.

* Х а й л е н д с (англ. Highlands) — север и северо-запад Шотландии.

— Моя рана не имеет никакого отношения к очевидному. Посмотри вокруг, Ранальд, — сказал Лахлан и повторил: — Ничего не получается.

Не надо было особенно приглядываться, чтобы заметить пятна на стенах там, где когда-то висели картины, опустевший буфет для фарфора, отсутствие на столе хрустальных и серебряных кубков. Конечно, все это исчезло так давно, что, может быть, его друзья уже забыли, как выглядел обеденный стол при жизни отца Лахлана.

— Ты хочешь сказать, что мы больше не будем грабить? — спросил Джиллеонан.

— Я хочу сказать: какой в этом смысл? Нам всего один раз удалось привезти домой кошелек, которого хватило ненадолго. Мы уезжаем по шесть или семь раз в месяц — а результата почти никакого.

— Угу, мне и самому надоели эти разъезды, особенно в такое время года, — согласился Джиллеонан. — Но ведь мы никогда этим делом всерьез не занимались. Так, просто шалости.

Лахлан согласился. Пока его не подстрелили во время последней вылазки, они скорее развлекались, но речь шла не об этом.

— А если мы займемся этим на полном серьезе, Джилл, мы станем ворами, — сказал Лахлан.

Джиллеонан удивленно поднял бровь:

— А сейчас мы не воры?

Ранальд хмыкнул:

— Я считаю, что брать у англичанишек — не воровство.

Лахлан невольно улыбнулся. Да, это было просто развлечением. Сейчас шотландцы и англичане вроде неплохо ладили, но в душе все равно оставались

врагами. По крайней мере шотландцы-горцы и те, кто жил у границ, столько времени грабили англичан, что по-другому на них и смотреть не могли. На границе вражда была по-прежнему сильна, и недружелюбие въелось в душу, передаваясь из поколения в поколение.

— Мы решили стать разбойниками, когда дела обстояли еще не так плохо, — напомнил друзьям Лахлан. — Но сейчас мы дошли до ручки, и надо придумать что-то, иначе мы потеряем и Крегору.

— Ты что-то задумал? — спросил Джиллеонан.

Лахлан вздохнул:

— Нет, но, как всегда, я готов прислушаться к вашим советам.

Родичи устроились поудобнее. Джиллеонан взбалтывал в оловянной кружке дешевенькое вино, Ранальд закинул ногу на подлокотник кресла. Лахлан заложил руки за голову, готовясь отместить предложения, которые придется ему не по вкусу.

— Слышал я, что в какой-то там Калифорнии нашли золото, — заметил Ранальд. — Огромные самородки так и валяются на земле — приходи и бери.

Лахлан приподнял бровь, но не успел ничего сказать — Джиллеонан поддержал Ранальда:

— Угу, я тоже слышал об этом, но старший Макгрегор не может пуститься в такое далекое путешествие и бросить родные места. Мы, наверное, могли бы послать туда кого-нибудь из членов клана, чтобы они посмотрели, что к чему. Ранальду хочется путешествовать, и его брат мог бы поехать с ним. Но ведь пройдет много месяцев, прежде чем мы получим от них весточку. Не можем же мы все это время сидеть сложа руки и ждать.

Лахлан и сам все это понимал, так что ничего не стал добавлять, а только кивнул. Сказать по правде, ему было жаль, что он не может отправиться в далекое путешествие. Но Джиллеонан был совершенно прав: как глава клана он обязан оставаться поблизости.

— Согласен, — вступил Ранальд, — мы можем переговорить с Арнальдом насчет того, не хочет ли он отправиться искать золото, а тем временем... Мне уже раньше приходило это в голову, но тогда я решил, что Лахлан слишком молод.

— Что?

— Жена. Э-э... то есть богатая жена.

Лахлан выразительно закатил глаза, не собираясь принимать всерьез такое предложение. Но Джиллеонан подался вперед и восторженно воскликнул:

— Угу, отлично, Ранальд! И вообще пора Лахлану подарить нам наследника, чтобы мы его баловали.

— И где я тут отыщу богатую жену? — спросил Лахлан, которому совсем не понравилось такое предложение.

— В наших местах богатой невесты не найдешь — все просватаны. Но на юге...

Лахлан перебил:

— На равнинах невест-наследниц тоже не много.

— Да, но в Англии их сколько угодно, а до Англии можно доехать верхом всего за несколько дней — не надо переплывать океан.

Лахлан сжал зубы: друзья, похоже, не собирались отказываться от этой мысли.

— Жена-англичанка? — пренебрежительно хмыкнул он.

— Твой двоюродный дед Ангус ничего зазорного в этом не видел, — поспешил напомнить ему Ранальд.

— Дедушка Ангус, мир праху его, был влюблен, — ответил Лахлан. — В таких случаях возможны исключения.

— И ты разве не сделал бы того же, если бы приглянулся красавице Меган? — возразил Джиллеонан. — Насколько я помню, она самая что ни на есть англичанка.

Лахлан даже покраснел: это была чистая правда. Он попросил Меган выйти за него замуж в первые же минуты их встречи, а когда она сразу же отказалась, увез ее с собой, чтобы она передумала. И, может быть, ему удалось бы ее переубедить, если бы ее жених так быстро их не нагнал. Но она была именно исключением. Такой красивой девушки, как она, больше нигде не найдешь.

Право, они же ведут речь о жене — о женщине, с которой он вынужден будет жить до конца своих дней! Конечно, лэрд должен идти на определенные жертвы ради своего клана, если они необходимы, но такая жертва, по его мнению, была бы уж чересчур. К тому же он всегда считал, что женится на девушке, которая понравится ему, а не клану.

Он недовольно спросил:

— Вы считаете, что я женюсь на любой богатой невесте?

— Нет, ничуть, — успокоил его Джиллеонан. — Мы просто думаем, что среди шотландских девушек очень мало богатых невест. А теперь задумайся об англичанах и о том, как они зажиточно живут. Если там такой хороший выбор, почему бы тебе не попытаться найти невесту по сердцу?

Слово «сердце» заставило Лахлана снова вспомнить о Меган. Вышла ли она замуж за своего жениха

англичанишку? Не любой побег в Гретна-Грин, куда они направлялись тогда, кончается женитьбой. Некоторые успевают вовремя опомниться. Но с тех пор прошел уже целый год. Если она не вышла замуж за того, с кем приехала в Шотландию, то почти наверняка вышла за кого-нибудь еще. А с другой стороны — вдруг нет? Стоит отправиться в Англию хотя бы ради того, чтобы это выяснить.

И все же он напомнил:

— Вы не принимаете в расчет, что сам я — жених незавидный.

Ранальд только фыркнул:

— Ты из себя парень хоть куда, красивее не найдешь. По тебе столько девушек сохнет — ты даже представить себе не можешь!

Что правда, то правда — внешность у Лахлана была привлекательная: золотисто-каштановые волосы, светло-зеленые глаза, искрившиеся смехом, красивые черты лица. Немало девушек вздыхало по нему.

— Наверное, он имеет в виду свой огромный рост, Ранальд, — нерешительно проговорил Джиллеонан. — Девушек-малышек он и правда может напугать.

Очень высокий рост и крепкое сложение, унаследованные от отца, всегда оставались для Лахлана большим вопросом.

— Я имел в виду, что у меня нет ни гроша за душой! — огрызнулся он.

Тут оба родича возмущенно фыркнули, а Джиллеонан решительно подытожил:

— Ты же лэрд клана Макгрегоров, парень! Больше ничего и не надо, чтобы слыть завидным женихом.

Тут Лахлан вздохнул. По совету родичей он стал разбойником — и ни к чему хорошему это не привело. Он не собирается поспешно жениться только потому, что им понравилась эта идея. Тем не менее стоит все обдумать.

— Хорошо. Но я не собираюсь мчаться в Англию со всех ног и жениться с бухты-барахты, не заручившись никакой поддержкой. Я напишу моей английской тетке, посмотрю, что она посоветует и согласится ли помогать. Но если уж мне придется страдать среди англичанишек, вы двое извольте ехать и мучиться вместе со мной. И это вам говорит Макгрегор.

Другими словами, это был приказ, который они не могли не исполнить.

Глава 2

— Уедешь на этой неделе, милая моя, — непререкаемым тоном произнес Сесил Ричардс, нынешний граф Эмборо, обращаясь к своей единственной дочери. — Их светлости ждут тебя в Шерринг-Кроссе и встретят по всей форме. Попомни мои слова: тебе не составит никакого труда найти жениха среди всей этой знати.

Кимберли Ричардс недоуменно уставилась на отца, явившегося с этим странным объявлением в комнату, где она занималась шитьем. Перед ней стоял несколько обрюзгший мужчина с багровыми щеками, тускло-коричневыми волосами и серыми глазами. Кимберли ничуть не походила на него ни внешне, ни характером, чему была очень рада.

Ей не следовало бы удивляться словам отца, несмотря на то что годовой траур закончился всего не-